

ценз. 1906 г.
1906 г.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

1) Туставъ Зелинскій.

ИЗДАНИЕ
П-ВА
"БЫТОВАЯ СИБИРЬ"
⚙

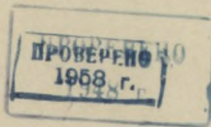

1-44

3-49

На дѣлѣ не выдано

Густавъ Зелинскій.

299.85

891.85-1

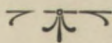
КИРГИЗЪ

ПОЭМА.

съ польскаго переводъ
ГЕОРГІЯ ГРЕБЕНЬЩИКОВА.

Рисунки художниковъ Гр. Гуркина и Викт. Бѣлослюдова.
Обложка художн. Мих. Щеглова.

Изданіе Т—ва
„Бытовая Сибирь“.
1910 г.

284280

КНИЖКА

Литературно-художественная
библиотека

Литературно-художественная
библиотека

ТОМСКЪ.

Типо-литографія Сибирскаго Т-ва Печати. Дѣла, уг. Дворян. ул. Ямского пер., соб. д.

1910.

Посвящается

Александру Касперовичу

Толмочъ.

Отъ переводчика.

„То, что умерло въ жизни—
воскреснуть должно въ поэзіи.

Шиллеръ.

Обширный и оригинальный міръ кочевника киргиза, еще недавно находившійся въ полномъ расцвѣтѣ поэтической воли, — быстро, на нашихъ глазахъ, начинаетъ блекнуть. Тамъ, гдѣ еще вчера колыхались серебристыя волны степныхъ ковылей и царствовали патріархальный, почти библейскій, праотцевъ Авраама и Исаака, укладъ жизни — сегодня тамъ, вклинилась крестьянская жизнь и дѣйственная степь испещрена заплатами распаханыхъ полей и сморщена сѣрыми и грязными, безпорядочно столпившимися хатами чуждыхъ степняку пришельцевъ.

И сынъ степей, вольный пастухъ и смѣлый всадникъ, становится покорнымъ рудокопомъ, спускаясь въ нѣдра родной земли, или въ лучшемъ случаѣ, впрягается съ конемъ своимъ въ кривую соху и пытается довольно неудачно подражать терпѣливому мужику — землеробу.

Пройдетъ еще немного лѣтъ и полная поэзіи кочевая жизнь превратится въ скучную прозу безропотной ноши мужицкаго ярма, почъ тяжестью

котораго уже не воскреснуть смѣлые взмахи минувшей удали, и умеруть послѣднія воспоминанія о былыхъ красотахъ степного простора.

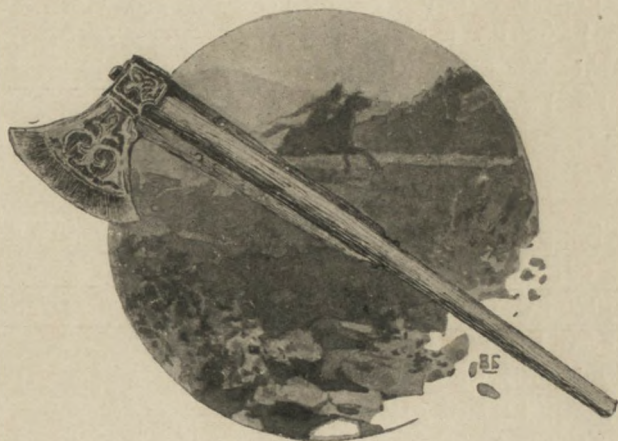
Чуткій и талантливый авторъ поэмы «Киргизъ» — польскій поэтъ Густавъ Зелинскій, бурей событій 1831 года заброшенный къ намъ въ Сибирь, а затѣмъ и въ Киргизскія степи, окружая романтическій сюжетъ своей поэмы столь разнообразной и узорчато—нѣжной рамкой изъ душистыхъ и живыхъ цвѣтовъ степной жизни, будто зналъ, что въ наши дни она не дастъ уже ни тѣхъ яркихъ образовъ, ни тѣхъ звучныхъ мелодій, какіе вдохновляли поэта еще такъ, сравнительно, недавно.

Впервые прослушавъ «Киргиза», я невольно полюбилъ его и искренно пожалѣлъ, что наша литература не только не имѣетъ его въ переводѣ, но почти и не знаетъ о немъ, и только поэтому, несмотря на свои скромныя силы, я рискнулъ дать «Киргиза» въ русскомъ переводѣ.

Я не претендовалъ ни на звучность рифмы, ни на современность формы стиха, я даже отступилъ отъ формы подлиннаго стихосложенія, сохранивъ форму лишь «Пѣсни Баксы», но, уважая автора и любя съ дѣтства знакомую мнѣ степную жизнь, я сдѣлалъ все возможное, что бы сохранить ту вѣрность и колоритность картинъ, какія я почувствовалъ въ подлинникѣ.

Георгій Гребеньщиковъ.

Томскъ,
Октябрь, 1910 г.

I.

Въ злой неволѣ, въ черномъ рабствѣ,
Какъ въ могилѣ задыхаясь,
Узникъ юный тратилъ силы
И истерзанной душою
Въ стель родную уносился.
Въ степь сѣдыхъ просторовъ милыхъ,
Гдѣ, подъ синей кровлей неба,
На лихомъ конѣ скакалъ онъ
Съ вѣтромъ вольнымъ вперегонку,
Гдѣ на глади изумрудной
Юрты круглыя бѣлѣли,
Гдѣ дни дѣтства прозвучали
Пѣсней-сказкой золотою!..
И, какъ беркутъ, тайно взятый

Изъ гнѣзда рукой коварной,
Онъ берегъ въ душѣ надежду:
Сбросить рабства пѣть тяжелый
И на крыльяхъ смѣлой воли
Улетѣть въ родныя степи.

* * *

Въ стойлѣ вражеской конюшни
Конь его стоялъ поджарый
И, въ тоскѣ по степи вольной,
Еле трогалъ кормъ обильный...
И мечтою жили оба:
Взять украдкою минуту
И удѣлъ тоски унылой
Въ юртахъ каменныхъ оставить...
Дождалися ночи темной: —
Молча звѣзды съ неба смотрятъ,
Степь укуталась въ туманы,
Лѣсъ пути—дороги спрятали...
Мирно спить богатый тахсырь
И не знаетъ, что поутру
Не прійдутъ къ нему съ привѣтомъ
Рабъ и конь на окрикъ властный:
Вѣтра вольнаго гудѣнье
Пусть о нихъ ему расскажетъ...
И, припавъ коню на гриву,
Тихо выѣхалъ въ ворота,
Оглядѣлся, тронулъ поводъ
И смѣшался съ чернымъ мракомъ..
И бѣжить подъ пѣсню вѣтра
Безъ оглядки и безъ думы,
Безъ дорогъ—по зову сердца,

На просторъ степей родимыхъ...
Вотъ за чащею лѣсною
Ширь сѣдая развернулась
И къ далекимъ горизонтамъ
Шла равниной безпредѣльной...
Ночь темна... Безлюдно, тихо,
Гладь степная бездорожна
И Джигитъ, какъ въ дѣтствѣ раннемъ,
Путь искалъ по звѣздамъ неба.

* * *

Вновь бѣгутъ, сгибая травы
Подъ копытами айгыра
И, качнувшись, вслѣдъ киваютъ
Имъ цвѣты, всплакнувъ росой...
И, загладивъ слѣдъ побѣга,
Дремлетъ вновь трава степная—
И молчить, скрывая тайну,
Ароматомъ пьянымъ вѣя...
Тихо... Степь молчить, вкушая
Сладкій сонъ пустынной ночи,
Точно въ храмѣ на молитвѣ
Смолкло все въ благоговѣнны...
Кругъ волшебный замыкая,
Мракъ припалъ къ землѣ ревниво
И для зрѣнія Джигита
Всталъ стѣною непроглядной...
Только звѣздный міръ, далекій,
Искрясь взоромъ многоокимъ,
Тихо грезить, опоясанъ
Свѣтлой лентой посрединѣ...

* * *

Опираясь на стрѣмена
Всталъ Джигитъ и, какъ ребенокъ,
Къ степи руки простирая,
Замеръ въ сладкомъ умиленіи...
Послѣ долгаго страданья
Въ злой удушливой неволѣ
Жадно пилъ онъ степи воздухъ,
Ароматомъ насыщенный.
И, вздыхая полной грудью,
Трепеталъ въ восторгѣ счастья
Передъ дѣвственной природой,
Передъ сбывшейся мечтою...

* * *

Вотъ очнулся и поводья
Опустилъ коню на гриву
И, поникнувъ головою,
Онъ задумался глубоко.
Нитью тонкой паутины
Жизни путь его неровный
Дуновеньемъ чьей-то воли
На просторъ пустынь нанизанъ...
Той пустыней пробѣгая
Былъ загадкой думъ глубокихъ,
Воплощенныхъ въ бѣгъ айгыра,
Что носилъ его по степи...
Конь улавливалъ тѣ думы
И копытомъ отбивалъ ихъ,
Чтобы знали степь да небо
И въ молчаніи таили...

И рысцою пробѣжали
Дѣтства дни невозвратно.
Шалость дѣтская—прыжками
И галопомъ—дни веселья...
Годы-жъ молодости милой
Мчатся бѣшенымъ карьеромъ
И уносятъ въ край неволи,
Въ черный край тоски унылой...

* * *

Вотъ галопъ коня сдержалъ онъ,
Описавши кругъ по степи
И, встревоженный минувшимъ,
Вспомнилъ горечь злой неволи,
И въ волненьи закружилась
Голова отъ злобы жгучей..
Пожелтѣла кровь, какъ травы
Поздней осенью желтѣютъ:
Будто змѣй, обвившій сердце,
Зашипѣлъ въ немъ: „мести злодѣю!“
И, почуявъ, конь Джигита
Захрапѣлъ, прося поводья...
Удила въ зубахъ зажавши
На дыбы онъ взвился гордо
И, какъ лучъ во мракѣ ночи,
Полетѣлъ стрѣлой пѣвучей!..

* * *

Длиннымъ бѣгомъ утомленный
Конь бѣжалъ рысцою ровной,
А Джигитъ, прогнавшій думы,

Въ небеса свой взоръ направиль
И мечтою вопрошалъ онъ:
„Что вы звѣзды, гдѣ вы, кто вы?
Кто, какъ искрой золотою,
Небосводъ усыпальъ вами?
Иль цвѣты вы на роскошныхъ
И иныхъ поляхъ цвѣтете,
Иль сердца иныхъ созданій
Жизнью лучшею горите?
Или вы, цвѣты земные,
Отразились въ синемъ небѣ
И сіяете, какъ звѣзды,
Тѣмъ, кто по небу кочуетъ?..
Какъ дышу я здѣсь свободно,
Вѣчной сказкою любуюсь
И природѣ, вѣчно юной,
Умиленный, поклоняюсь!
И не сонъ ли снится дивный,
Что мой путь коврами устланъ,
А вверху шатеръ безбрежный,
Бриллиантами расшитый?..“

* * *

Вотъ и свѣтъ... Зардѣлъ зарею
Небосводъ востока нѣжный,
Какъ предъ клятвою любовной
Юныхъ дѣвъ горятъ ланиты...
Вѣтерокъ волной прохладной
Зашумѣлъ, погнувши стебли
И столбы обильныхъ мошекъ
Закружились надъ травюю...
Журавли вдали проснулись

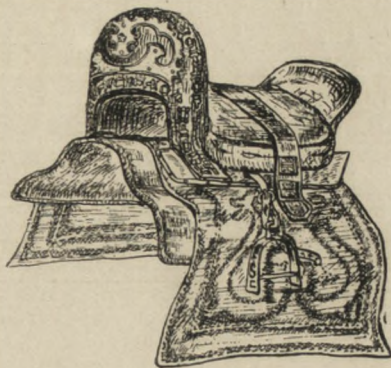
Перекличкой день встрѣчая
И Востока лучъ веселый
Озарилъ тепломъ равнины...
Точно скатерть парчевая
Разостлался онъ по степи
И игралъ въ росѣ кристальной,
Съ каждой капелькой цѣлуясь..
Пробудившіяся птички
Хоромъ стройно—стоголосымъ
Гимнъ запѣли свѣту Солнца,
Рѣя трепетно въ эфирѣ.
И запѣлъ Джигитъ Восходу
Пѣсню радости—привѣта:
Серебристо—нѣжной нотой
Полилась она изъ сердца,
Колокольчикомъ далекимъ
Зазвенѣла переливно
И, какъ жаворонокъ къ небу,
Трепеща, взлетала тихо...
Въ нотахъ низкихъ опускалась
На поля росой чистой
И, какъ звуки въ эхѣ дальнемъ,
Затихая, умирала...
О, киргизскіе напѣвы,
Сердцу близкіе мотивы!
Вы грустны, какъ степи осень
И, какъ гладь небесъ, раздольны...
Вы стремительны, какъ стрѣлы,
Будто мечь неотразимы,
Какъ пожаръ степной вы жгучи
И прекрасны, какъ восходы...
О, когда поетъ васъ вольный
Сынъ степей свободной грудью—

Вся природа умолкаетъ,
Въ сладкой дремѣ цѣпенѣя.
И, какъ будто въ томъ напѣвѣ,
Плачетъ степь въ тоскѣ по небу,
Иль небесныя созданья
По землѣ грустятъ красиво,
А давно почившихъ души
Хановъ, пращуровъ далекихъ,
Тѣ напѣвы пробуждаютъ
Въ чревахъ каменныхъ кургановъ.
И, родные слыша звуки,
Тѣни ихъ встаютъ въ могилахъ
И, вкушая сладость пѣсни,
Тихимъ шопотомъ ей вторятъ.
И изъ устъ въ уста ту пѣсню
Отдаютъ другъ другу ханы
И несутся эхомъ чуткимъ
Звуки пѣсни по курганамъ..
О, отцы степей сѣдые,
Старины святой кумиры,
Долго-ль будутъ жить напѣвы,
Что и вашъ покой ласкаютъ?...

.

II.

Солнце близилось къ закату,
А Джигитъ все мчался дальше
И уставшій, и голодный,
Онъ смѣялся свѣтлой волѣ.
Съ юныхъ лѣтъ привыкшій къ горю,
Онъ умѣлъ сносить невзгоды
И, обрадованный степи,
Былъ готовъ ихъ встрѣтить грудью...
Вотъ грозы увидѣвъ призракъ,
Онъ взбѣжалъ на верхъ кургана,
Защитивъ глаза ладонью,
Сталъ глядѣть въ просторъ равнины...
Долго взоромъ соколинымъ
Онъ смотрѣлъ на гладь степную,
Но напрасно—взглядъ терялся
На глухой, безлюдной дали.

Соскочивъ съ коня, припалъ онъ
Ухомъ къ степи молчаливой,
Затаивъ дыханье, слушалъ,
Ждалъ хоть шороха живого.
Но ни звука. Онъ поднялся.
Чутко—тонкимъ обоняньемъ
Сталъ ловить хоть запахъ дыма
Отъ аула кочевого—
Все напрасно. Степь, вкушая
Сладкій сонъ, молчитъ спокойно
И, ковромъ цвѣтовъ укрывшись,
Ароматомъ пьянымъ дышетъ...

* * *

Не страшна гроза Джигиту:
Съ дѣтства съ ней онъ породнился,
Покидая часто юрты—
Жеребятъ искалъ заблудшихъ,
Иль разсѣянный по степи
Скотъ къ кыставу собирая,
Иль гоняясь на охотѣ
За козулей быстроногой...
О, тогда, забывши голодъ,
Съ обнаженной головою,
Съ грудью смуглою, открытой,
Онъ встрѣчалъ грозу спокойно...
И теперь, вернувшись снова
На родную степь—пустыню,
Вновь помѣряться готовъ онъ
Съ силой грозъ и мощью бури...
И съ высокаго кургана
Въ хмурый ликъ идущей тучи

Гордо впился онъ глазами,
Ожидая бой неравный.

* * *

Солнце тучами закрылось,
Обагривъ края ихъ кровью
И въ расщелины межъ ними
Позолотою сверкало,
А на западѣ далекомъ
Краснымъ заревомъ горѣло;
Но густыя складки мрака,
Закрывая, свѣтъ гасили...
Все чернѣе и угрюмѣй
Тучи двигались стѣною,
Будто воиновъ небесныхъ
Рать несмѣтная спускалась...
И моментъ передъ грозою
Былъ и страшенъ, и прекрасенъ:
Все затихло въ ожиданьи,
Все пугливо притаилось,
Только издали глухіе
Гулы грома доносились...
И казалось, будто эхо
По горамъ небеснымъ бродить...
Вотъ откуда-то внезапно
Вихрь бунтующій примчался:
Началъ рвать цвѣты и листья,
Мухъ и бабачекъ хватая
И, собравъ ихъ въ столбъ высокій,
Завывая, кружить, носить...
То развѣевъ все по полю
Припадетъ къ землѣ, исчезнувъ...

Въ темномъ небѣ снова глухо,
На землѣ мертво и жутко,
Но, вздохнувъ, съ порывомъ новымъ
Вихрь взлеталъ на стѣны — кручи
И откалывалъ громады
Тучъ уродливо — косматыхъ..
То, бушуя въ небосводѣ,
Паруса изъ нихъ онъ строилъ,
То по небу, какъ по морю,
Гналъ флотилій рядъ чудесный;
Дѣлалъ черныхъ птицъ гигантскихъ
И невиданныхъ чудовищъ,
И смѣняя ихъ внезапно,
Въ черномъ мракѣ быстро пряталъ...
Вотъ въ просвѣтъ межъ тучъ тяжелыхъ
Ярко звѣздочка мелькнула,
Будто добрый геній неба
Кроткій взглядъ надежды бросилъ,
Или — ангелъ утѣшенья
Нѣжной лаской улыбнулся
И погасъ, сраженный тучей,
Въ волнахъ мрака утонувши...

* * *

И бѣжить рядъ тучъ угрюмыхъ
Темно — сизою толпою..
Вотъ одна, блеснувъ огнями,
Задрожавъ, захохотала
И заплакала, плеснувши
На цвѣты слезой прозрачной...
И цвѣты ловили жадно
Капли слезъ — даръ нивъ небесныхъ...

284280

Глухо вновь и вновь сверканье:
Туча треснула зигзагомъ,
Поблѣднѣла степь и гулко
Громъ стрѣлу въ нее вонзаетъ,
А за ней изъ мрака тучи
Дождь рѣкой обильной хлынулъ,
Точно въ небѣ прорвалась
Плотина, грозя потопомъ...
И, распахиваясь, небо
Снова громомъ гнѣвно дышетъ;
Степь, купаясь въ водныхъ струяхъ,
Пыль и грязь съ травы смываетъ...
Но сверканья безпрерывны,
Будто зеркало—все небо,
Будто самъ Аллахъ на тучахъ
Всталъ, струя Свой свѣтъ на землю...
Громъ, какъ крикъ Его могучій;
Точно міръ преображая,
Рушитъ Онъ, роняя въ бездну,
Грѣшныхъ странъ его осколки...
Но безъ страха предъ грозой,
На курганѣ одиноко,
Неподвижной черной точкой
Конь со всадникомъ стояли!..

III.

„Гость пріѣхалъ!“ — зазвучала
Вѣсть, аулы облетая,
Чуткій умъ киргизъ волнуя,
Жизнь спокойную нарушивъ...
И, сгорая любопытствомъ,
Всѣ и старъ, и малъ поспѣшно
Собираются у Бія,
Всѣ — услуги предлагаютъ...
Привели изъ стадъ обильныхъ
Къ юртѣ кроткаго барана
И онъ падаетъ покорно
Подъ ножомъ во имя гостя...

* * *

Конь его съ узды отпущень
За аулъ бѣжитъ галопомъ
Къ табунамъ, что на атавѣ
У источника пасутся...
Ржетъ онъ звонко и призывно
И, вбѣгая въ середину,

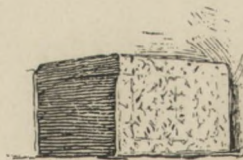

Весь табунъ сзываетъ въ грудѣ—
Весь табунъ коней киргизскихъ.
И храпя, и обоня,
Кони медленно подходятъ,
Наостривши уши, взглядомъ
Удивленье выражаютъ...
И, узнавъ въ конѣ чужого,
Строго всѣ прядутъ ушами,
Недовѣрчиво, сторожко
Ноздри красныя вздуваютъ...
Вотъ приняхались, смирились
И привѣтливо заржали...
Имъ стада съ луговъ сосѣднихъ
Вторя гулко отвѣчали...
И въ тиши вечерней эхо
По прохладной степи плыло,
И сливалось съ воемъ вѣщимъ
Псовъ, почуявшихъ несчастье...

* * *

У бай—Бія въ пышной юртѣ
Всѣ аульцы собралися
И на мягкихъ текеметахъ
Кругомъ тѣснымъ мирно сѣли...
Бій степенно сѣлъ поодаль
На кошмѣ, узоромъ шитой
И съ собою близко—рядомъ
Посадилъ Джигита—гостя.
И аульцы, чтобъ привѣтить,
Съ гостемъ ласково толкуютъ,
Вопрошая о здоровьѣ,
О скотѣ и о семействѣ...

* * *

А огонь горить, мерца,
И трещить, котломъ придавленъ
И бока котла большого
Лижеть жадно языками.
И грызетъ онъ дровъ уголья,
Искры яркія бросая...
И, подпрыгивая, искры
Освѣщаютъ стѣны юрты,
Освѣщаютъ рядъ киргизовъ
Остроскулыхъ и усатыхъ,
Съ кожей смуглою на лицахъ,
Солнцемъ степи закаленной;
Лица блѣдныхъ женъ худыя,
Съ блескомъ черныхъ глазъ раскосыхъ,
Что безмолвно у казана
Въ бѣлыхъ джавлукахъ хлопочуть.
Свѣтъ огня рисуя молча,
Съ нихъ бросаетъ пятна-тѣни
И гоняетъ ихъ по стѣнамъ
Силуэтами нѣмыми...
И какъ призраки ихъ тѣни,
Какъ умершихъ злые духи,
Что въ полночный часъ съ кургановъ
Сонъ тревожить прилетаютъ.
А на стѣнахъ пышной юрты,
Какъ толпа звѣздъ яркихъ въ небѣ,
Серебро на срубѣ блещетъ
И пестрѣютъ орнаменты...

* * *

И шумить, гудить бесѣда,
Сытный ужинъ предвкушая,
И щекочетъ парь махана
Вкусъ голоднаго Джигита...
Вотъ заботливыя Катынь,
Съ робкимъ шопотомъ взаимнымъ,
На агачь—аякъ проворно
Изъ котла кладутъ палаву..
И беретъ рукой хозяинъ
Мяса лучшіе отрѣзы
И, осыпавъ ихъ изюмомъ,
Самъ кладетъ въ уста Джигита.
И несутъ ужъ слуги въ юрту
Кумысомъ турсукъ налитый
И шипитъ онъ бѣлой пѣной
На глазахъ гостей веселыхъ.

* * *

Угощали гостя дружно
Всѣ, кто въ юрту Бія прибылъ,
Всѣ изъ рукъ его кормили,
Всѣ привѣтомъ надѣляли..
Гость обласканный, счастливый
Ѣлъ маханъ и баурсаки,
Ѣлъ палаву, рисъ съ изюмомъ,
Пилъ сурпу, кумысъ ядреный...
Робко съ нимъ сидѣла рядомъ
Бія дочка кызъ—Джемеля,
И Джигитъ съ улыбкой ласки
Съ нею все дѣлилъ любезно:

То, что лучшее давали
Самому ему сосѣди,
Посылалъ къ губамъ пурпурнымъ
Черноглазой кызъ—Джемелъ
И при этомъ взоръ огнистый
Слалъ въ тьму глазъ ея глубокихъ...

*
* * *

Бія дочка кызъ—Джемеля,
Въ полтора десятка съ годомъ,
Такъ свѣжа, легка, прекрасна,
Какъ бутонъ цвѣтка поутру...
Стройный станъ, колебля гибко,
Бѣлой ручкой подpiraетъ,
А другою граціозно
Прядь волосъ съ лица снимаетъ...
А волосъ—семь косъ тяжелыхъ
Отливаютъ блескомъ чернымъ
И звенять на нихъ монеты,
Что нанизаны богато.
И лучами блещутъ очи,
Будто угли раскаляясь
И украдкой на Джигита
Смотрятъ съ ласкою отвѣтной.

*
* * *

Вдоль и вширь всю степь изѣзди:
Съ Сыръ-Дарьи до Аягуза,
Отъ Семи-Рѣкъ до Ургенджа,
Съ Иртыша и до Ишима—
Не найдешь красавицъ, равныхъ
Кызъ—Джемелъ чернокосой...

Цвѣтъ лица ея подобенъ
Блеску мѣсяца весною,
Что съ безоблачнаго неба
Серебромъ по степи стелеть...
На щекахъ молочно бѣлыхъ
Дышетъ трепетно румянецъ,
Точно розы въ бѣломъ снѣгѣ
Чудотворно расцвѣтають..
А когда уста пурпурны
Смѣхъ наивный потревожить,
Изъ за губъ невинно-влажныхъ
Зубки жемчугомъ бѣлѣють..
Съ лебединой гибкой шеи
Янтари толпой сползають,
Обвивая, точно пряча,
Грудь высокую стыдливо!..

* * *

И Джигитъ въ глаза Джемели
Глубже взоръ свой погружаетъ
И въ отвѣтъ на вздохъ тяжелый
Ловитъ дѣвственные вздохи.
И кристальною росой
Счастье дивнаго блаженства
Льется въ пламенное сердце,
И пьянѣетъ мысль Джигита...
И все чаще взоръ Джемели
Отвѣчаетъ взору гостя,
Какъ цвѣтка душистый вѣнчикъ
Ловитъ лучъ—улыбку Солнца.
Какъ двѣ ивы, что источникъ
Раздѣляетъ струйкой корни,

Съ дѣтства юнаго сплетаясь,
Обнимаются вѣтвями—
Такъ въ тотъ вечеръ гость съ Джемелей
Слили души въ жизнь едину!..

* * *

О, кто любить какъ въ салонѣ,
Шелку, блеску поклоняясь,
Кто въ кокетство ложь хоронить—
Тотъ любви степей не знаетъ!
А степей любовь, какъ пламень,
Въ порохъ павшій, въ мигъ объемлетъ
Оба сердца бурей страсти,
Бурей адскаго пожара...
Жжетъ пожаръ тотъ обѣ груди,
Взоръ мутитъ и умъ сжигаетъ,
Безъ мечтаній и безъ грусти
Топить все въ волнѣ желаній!..
И желаньямъ нѣтъ преграды,
Бурной страсти нѣтъ предѣла:
Лишь бы счастья мигъ скорѣе,
Лишь бы ласкъ томленье ближе!..

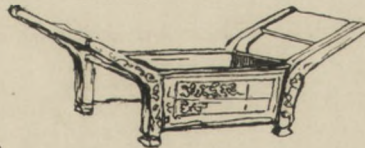

IV.

Ночь въ свой звѣздный плащъ одѣлась,
Убаюкивая землю,
И хранить въ тиши священной
Вѣчность тайны мірозданья...
А надъ темными шатрами
Спящихъ юртъ ауловъ мирныхъ
Рѣютъ призраки толпами,
Неземной одеждой вѣя.
То, быть можетъ, мысли спящихъ,
Мысли вѣчныя, какъ души,
Поднялись въ прохладу неба
И купаются въ эфирѣ...
Будто здѣсь, на днѣ дремоты,
Скучно жить имъ безъ сліянья
Съ безпредѣльностью вселенной,
Съ высшей вѣчной красотою...

* * *

Чарой ночи упоенный
Тихо спитъ аулъ киргизскій. .

Лишь не спать Джигить уставшій,
Въ тьму вперяя взоръ тревожный...
Думы, вставшія толпою,
Въ прошломъ мрачное будили.
Впереди жъ картины счастья
Яркой краской рисовали ..
Съ яркой злобою два чувства
Поднимали споръ смертельный
И на части рвали душу,
Сердце ядомъ отравляя.
Что сильнѣй: любви безумье,
Объщая рай блаженства,
Иль кровавой мести клятва,
Посылая въ пропасть ада?!

*
* * *

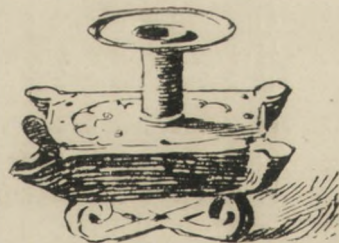
Изъ тумана дней минувшихъ
Все яснѣ выступало
То ужасное бывшее,
Что должно быть кровью смыто...
Много лѣтъ уже исчезло
Со временъ безпечныхъ дѣтства,
Какъ его, еще ребенкомъ,
Въ рабство продали безвинно...
Взросъ средь звѣрскихъ издѣвательствъ
Барской челяди коварной,
Несъ позорныхъ службъ заботы,
По увядшимъ днямъ тоскуя...
Проклиная—день короталъ,
Ночью слезы лилъ безсонно
И въ кошмарномъ бредѣ явно
Видѣлъ трупъ отца кровавый.

Какъ живой шепталъ онъ строго
И грозилъ рукой холодной:
„Мсти бѣги! Живетъ убійца!..
Но молчить и сохнетъ узникъ,
Весь истерзанный желаньемъ:
Отомстить или погибнуть!..

* * *

Птицей гордо-быстрокрылой
Онъ летитъ въ родныя степи
И, въ восторгѣ передъ волей,
Обнимаетъ все родное...
И встрѣчая грозы—бури,
Голодъ, тяжкую усталость,
Онъ спѣшитъ къ ауламъ первымъ,
Чтобъ родную рѣчь услышать...
Чтобы видѣть все скорбе
И одежды, и обличья,
Чтобы все забыть бывшее
И душой воскреснуть снова.
И въ волнѣ самозабвенья,
Не спросивъ къ кому онъ прибылъ,
Обнимаетъ всѣхъ, какъ братьевъ,
Не узнавъ отца убійцу!..
А когда любви тенета
Сердце юное обвили—
Бѣй, въ словахъ воспоминаній,
Самъ открылъ весь ужасъ правды...
Какъ горька судьбы насмѣшка:
Вмѣсто страшнаго обѣта,
Онъ упалъ, какъ рабъ ничтожный,
Подчинясь красѣ Джемели!

О, невѣрный! Какъ онъ можетъ
Быть въ гостяхъ у тѣхъ злодѣевъ,
Для которыхъ въ сердца пылкомъ
Мести жало онъ хоронить?!..

* * *

Будто мечъ съ двумя концами
Въ грудь его вонзился крѣпко:
Такъ два чувства сердце сжали,
Пламень пытки раскаляя...
Въ юртѣ стало тѣсно, душно,
Будто давить кто за горло,
И, какъ тѣнь, скользить онъ тихо
Мимо спящихъ аксакаловъ...
Вотъ, кизъ-исыкъ откинувъ,
Онъ шагнулъ въ прѣхладу ночи,
Но дыханье ночи мирной
Охладить души не въ силахъ...
Безразсудно, съ тусклымъ взоромъ,
Онъ идетъ, куда—не зная.
Вотъ (нѣ видитъ дымъ надъ юртой,
Гдѣ самъ Бій опочиваетъ,
Слышитъ Бія голосъ злобный
И за ножъ хватается гнѣвно!
Но, опомнившись, беззвучно
Онъ ползетъ къ кошмѣ у входа,
Чтобъ, поднявъ ее, дать взору
Доступъ внутрь злодѣйской юрты.
И увидѣлъ въ юртѣ Бія:
Онъ сердито усъ теребитъ
И тревожными глазами
На Баксу сѣдого смотритъ.

А Бакса вокругъ огнища
По песку ножомъ обводитъ
И съ лицомъ угрюмо—блѣднымъ
Взоромъ глазъ блуждаетъ дико...
Онъ одѣтъ пестро и странно,
Точно шутъ или безумный
И, взявъ кобызъ, въ кругъ заходитъ,
Извлекая струнъ гудѣнье...
Вотъ по кобызу ударивъ,
Ждетъ пока гудѣнье стихнетъ
И слѣдитъ, какъ рой шайтановъ
Съ каждымъ звукомъ отлетаетъ.
Бросивъ кобызъ, взоромъ дикимъ
Водитъ онъ кругомъ по юртѣ
И съ прыжкомъ, подобно кошкѣ,
Острый ножъ хватаетъ въ руку
И, махая имъ въ пространствѣ,
Колетъ въ воздухъ многократно,
Будто видитъ въ пустотѣ онъ
Злыхъ шайтановъ ненавистныхъ...
И при этой странной сценѣ
Оба старца поблѣднѣли...
Бѣй, дрожа, какъ листъ осенній
Взоръ свой прячетъ въ рукъ ладони,
А Джигитъ лежитъ недвижно,
Затаивъ дыханье, смотритъ...

* * *

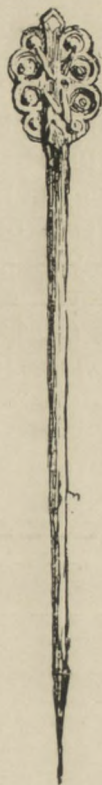
Вотъ старикъ-Бакса беззвучно
Подошелъ къ огню... На угли
Кость баранью положилъ онъ
И, съ волшебнымъ заклинаньемъ,

Сталъ слѣдить за ней, какъ пламя
Откровенья знаки пишетъ...
И, вращая дико взоромъ,
Покачалъ онъ головою:
„Слушай, Бій! — онъ молвилъ внятно —
Передъ осенью, въ дорогѣ,
Въ край тепла, при кочеваньи
Встрѣтитъ насъ большое горе!
А какое? — я не вижу!
Вижу обликъ лишь туманный,
Но онъ скрытъ въ далекомъ мракѣ
И на свѣтъ огня не вышелъ...
Подожди! Я съ силой новой
Совершу обрядъ волшебный!
Вѣдь не даромъ троекратно
Быль съ молитвой я въ Азретѣ,
Билъ поклоны ханамъ древнимъ,
Знаю тайны нѣдръ кургановъ,
Знаю свойства травъ чудесныхъ,
Голосъ звѣря понимаю!..
А коль брошу взоромъ въ небо,
То звѣздъ яркихъ миллионы
Для меня, въ слова сливаясь,
Тайны міра открываютъ...
И всѣ знанья, заклинанья
Для гаданья призову я,
И коль надо потревожу
Мертвецовъ въ гробахъ истлѣвшихъ,
Но узнаю, что за призракъ
Тьма скрываетъ предо мною!
Пусть онъ выйдетъ, пусть онъ скажетъ,
Что за тайну онъ хоронитъ“!...

* * *

И, схвативши снова кобызъ,
Тихимъ голосомъ запѣлъ онъ,
Будто жаловался, плача,
Одряхлѣвшій слабый голосъ...
Но, ударивъ сильно въ струны,
Онъ запѣлъ—завылъ сильнѣе.
Плачемъ зимней непогоды
Струны кобыза гудѣли:
Ужъ не пѣлъ, стоналъ протяжно,
Исказивъ лицо тоскою,
Будто въ сердце впился крѣпко
Смерти змѣй, въ крови купаясь...
И, присохнувъ къ острымъ скуламъ,
Щеки вздрагивали нервно,
А глаза, запавъ въ орбиты,
Дико въ стороны метались,
Иль стояли неподвижно—
Какъ стеклянные блестя...
Былъ онъ страшень, какъ безумецъ,
Старъ и сухъ, давно увядшій
И въ движеньяхъ дикой пляски
Коченѣлъ, дрожалъ и бился...
Но, зловѣще завывая,
Все сильнѣй онъ билъ по струнамъ,
Все сильнѣй ломалъ онъ члены,
Быстро прыгая по юртѣ...
И безсильный, дикій, страшный,
Истощенный и разбитый,
Какъ съ утеса камень мертвый,
Онъ упалъ безъ чувствъ на землю.
И лежалъ недвижно долго,

Безъ дыханья, какъ убитый
И молчала глухо юрта,
Страхомъ зрителей окутавъ.
Только трескъ угольевъ красныхъ
Нарушалъ минутъ теченье,
Да, мерцая, блестки—искры
Въ тьмѣ безмолвной исчезали...
Но глубокимъ слабымъ вздохомъ
Извѣстилъ Бакса о жизни,
И съ болѣзненнымъ движеньемъ,
Тяжело дыша, поднялся...
Вотъ съ закрытыми глазами
Отыскавъ, взялъ снова кобызъ
И, чуть трогая по струнамъ,
Онъ запѣлъ съ печалью тихой...

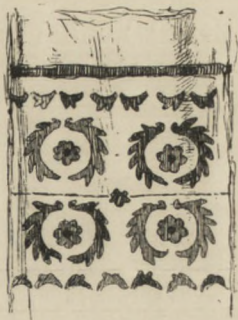

V.

„Дивный... Дивный сонъ мнѣ снился!
Бѣй! Тебя я юнымъ видѣлъ
И себя инымъ!
Передъ нами твой любимый,
Вороной стоялъ конь—Пеглинъ
Рѣзвый, молодой!
„Сядьте—конь сказалъ—безъ страха,
На пастьбу скачу я ночью
Въ райскую страну.
Жизнь другую, степь иную,
Миръ прекрасный покажу вамъ:
Сядьте!—Сѣли мы.
Скачемъ, скачемъ—нѣтъ предѣла,
Вотъ земля уже исчезла,
Скрылася во мглѣ...

Но въ лихомъ воздушномъ бѣгѣ
Со звѣзды на звѣзду скачетъ,
Мчится борзый конь!..
Меркнетъ взоръ, когда надъ бездной
Конь летитъ быстрѣ птицы,
Дѣлая прыжки!..
Отъ копытъ летятъ осколки
Звѣздъ разбитыхъ въ пропасть мрака—
Такъ несетъ насъ конь!..
Вдругъ онъ сталъ... Сказаль: смотрите!
Мы, держась за гриву, видимъ
Новый дивный міръ!
Изъ ковровъ травы душистой,
Изъ цвѣтовъ—узоровъ яркихъ
Сотканы луга...
Въ блескѣ чистомъ и кристальномъ
Дышетъ тайною глубокой
Каждый лепестокъ...
И цвѣты луговъ небесныхъ,
Точно кудри дѣвъ прекрасныхъ,
Серебромъ звенятъ.
А въ лугахъ тѣхъ, райски чистыхъ,
Табуны коней гуляютъ—
Чудо изъ чудесъ!
И хранитъ эфиръ въ молчаньи
Тайну сказки прихотливой,
Будто шепчетъ намъ:
„Баранты сыны лихіе,
Попытайтесь, вы найдете
Славы здѣсь вѣнецъ!
Но, на подвигъ коль рѣшитесь—
Осторожнѣе: на стражѣ
Бодрствуетъ луна!

Листикъ каждый можетъ выдать
И луна, коль бросить ложе —
Горе вамъ тогда“!..
Соскочилъ ты и украдкой,
Не задѣвъ цвѣтка былинки,
Къ табуну поползъ..
Близокъ ужъ табунъ прекрасный.
Сѣрымъ волкомъ все ползешь ты
Тихо, какъ змѣя..
Вотъ ты въ центрѣ и арканомъ,
Мѣтко кинувши, поймалъ ужъ
Табуна вождя!
Ты на немъ уже... Онъ рвется
И стрѣлой летитъ со ржаньемъ —
Весь табунъ за нимъ!..
Вслѣдъ на Пеглинѣ скачу я,
И несемъ мы на землю
Тучей громовой!
Изъ за облакъ, юртъ небесныхъ,
Поблѣднѣвшій глянулъ мѣсяцъ —
На небо взбѣжалъ..
Осмотрѣлся изумленно,
Бросивъ свѣтъ лучей дрожащихъ —
Нѣту табуна!
И въ погоню онъ пустился
Млечно свѣтлой полосой,
Быстро намъ во слѣдъ.
Но несемъ мы стрѣлою,
Передъ страхомъ жмуря очи,
Съ пьяною мечтой!
Черезъ пропасти и щели
Между-звѣздъ безграничныхъ
Скачемъ, скачемъ мы...

Будто водъ потокъ бурливый
Съ горъ заоблачно высокихъ
 Мы стремимся внизъ...
И за нами топотъ громный
Раздается въ поднебесьи,
 Падая во мглу.
Мы уже средь тучъ тяжелыхъ,
А луна лучистой сѣтью
 Хочетъ насъ поймать,
Но ты облако бросаешь
Ей въ лицо: она, краснѣя,
 Прячется въ туманъ..
Нашъ табунъ! Земля ужъ близко
И съ послѣднихъ горъ родное
 Видно кочевье..
Вдругъ туманъ расколотъ громомъ,
Пламя молній жжетъ намъ лица,
 Точно мечь луны..
И, гремя, мѣняетъ обликъ,
Будто мальчикъ... Но растетъ онъ--
 Сталъ какъ великанъ..
И хватаетъ насъ!.. Смотрю я..
Бій! Той молніей гремучій
 Былъ твой юный гость“!..

* * *

Смолкъ старикъ, и Бій, въ раздумьи,
Пѣсни смыслъ печальный понялъ.
Пѣсней той Бакса-волшебникъ
Книгу прошлаго повѣдалъ
И страницу за страницей
Бія юныхъ дней прочелъ онъ

Слово каждое картину
Дней минувшихъ рисовало...
Въ юномъ возрастѣ безпечномъ,
Въ дни волненья страсти бурной,
Свой очагъ покинувъ бѣдный,
Онъ ушелъ искать событій...
Не любовныхъ увлеченій
Сердце юное искало,
Но широкой, громкой славы,
Табуновъ и каравановъ!..
Хитрый, ловкій и отважный,
Въ барантѣ неустрашимый,
Скоро сталъ онъ слыть грозою
Степи всей, для всѣхъ ауловъ...
Помнить разъ, какъ темной ночью
Гналъ табунъ огромный коней
И луною восходящей
Выданъ былъ лихой погонѣ,
А въ погонѣ былъ главою
Самъ хозяинъ, слугъ арава...
Началася схватка... Дико
Стрѣлъ привѣтствія запѣли,
Но не струсилъ Бій отважный
И, атакою отвѣтивъ,
Онъ убилъ главу погони,
Слугъ трусливыхъ разогнавши...
Трупъ противника кровавый
На травѣ лежалъ недвижно,
А къ груди его прижавшись
Плакалъ сынъ—бала невинный!..
«Встань, апа!»—рыдалъ ребенокъ,
Но молчалъ въ отвѣтъ убитый...
Бій увезъ балу съ собою

И купцамъ далекимъ продалъ...
Съ тѣхъ временъ, давно минувшихъ,
Не гулялъ онъ съ барантою
И богато, славно зажилъ,
Мирно пользуясь добычей...

* *
* *

Послѣ долгаго раздумья
Бій Баксѣ промолвилъ тихо:
«Научи же, что мнѣ дѣлать?»
И старикъ сказалъ угрюмо:
«Въ сердцѣ юноши, Бій добрый,
Долгъ отцу записанъ кровью,
Кровью смыть его лишь можно...
Какъ совѣтъ давать я буду?
Призракъ тотъ—твой гость священный,
А надъ мирною постелью
Долженъ ты стоять, лелѣя
Имя гостя, какъ святыню ..
Не желай, чтобъ на могилѣ
Зелень яркая повяла,
Что тебѣ рукой любимой
Въ землю свѣжую посадятъ...
Осторожнѣй будь съ грозою
И сама судьба поможетъ.
Видѣлъ ты, какъ взгляды Джемели
Сердце юноши опуталъ?..
Пусть обмана призракъ легкій
Жало мести обезвредитъ ..
Пусть не знаетъ онъ, что степи
Шлютъ со всѣхъ концовъ далекихъ
Жениховъ-джигитовъ лучшихъ,

Шлютъ калымъ тебѣ богатый...
Пусть горитъ огнемъ онъ жажды
И, надѣясь, месть забудеть!..
А когда, собравши юрты,
Къ свѣжимъ пастбищамъ отправимъ —
За черту гостепріимства
Гость отъѣдетъ одиноко
И тогда... Бакса, блѣднѣя,
Тихимъ шопотомъ добавилъ:
Ты убить его съумѣешь»!..
И зловѣще смолкли оба...

.

VI.

По условному сигналу
Собранъ скарбъ и свиты юрты,
На арбахъ и на верблюдахъ
Все уложено проворно...
И, скрипя, обозъ тяжелый
Тихо движется по степи...
И пустыня, оживая,
Населяется, пестрѣть...
А надъ таборомъ высоко
Стаи дикихъ птицъ большія,
Перелетной тучей рѣя,
Съ крикомъ въ теплый край несутся...

*
* * *

Сѣрой лавиной по степи
Шумно движутся бараны
И, качая курдюками,
Шерстью темной отливаютъ.
Вслѣдъ за ними быкъ угрюмый,

Лобъ къ землѣ понутивъ важно,
Самъ ведетъ, рыча октавой,
Гуртъ обильный женъ рогатыхъ .
Жеребятъ гурьба большая
Скачетъ возлѣ шаловливо;
Граціозно-бородатыхъ
Козъ волна спѣшитъ за ними...
А въ концѣ верблюдовъ вьючныхъ
Караванъ гуськомъ ступаетъ...
И, подъ бдительнымъ надзоромъ,
Шумно все плыветъ по степи...

* * *

Рядъ джигитовъ, аксакалы
Въ ергакахъ и малахаяхъ,
Въ бѣлоснѣжныхъ джавлукъ катынъ,
Баладаръ, кыздаръ въ камзолахъ
И въ цвѣтныхъ дамбалахъ кемперъ—
Всѣ сидятъ въ нарядныхъ сѣдлахъ!
Молодежь гарцуетъ лихо,
Старики ведутъ бесѣду,
Катынъ—дѣтямъ напѣваютъ...
Блеютъ овцы, ржутъ кобылы—
Жеребятъ зовутъ игривыхъ;
Арбы скрипомъ оглашаютъ,
И сливаясь въ общій гомонъ
Все разносится по степи...

* * *

И пустынную дорогой
Людно, весело, привольно...

Вмѣстѣ съ пѣснею раздольной
Крикъ охотниковъ несется
И за волкомъ тальниками
Льется гиканьемъ веселымъ,
И преслѣдуетъ, гоняясь,
Степью гладкой и просторной...
Вотъ съ руки слетаетъ беркутъ
И, взвиваясь въ поднебесье,
Съ шумомъ падаетъ стрѣлою,
За хребетъ цѣпляясь волку..
И, вонзивши крѣпко когти,
Бьетъ могучими крылами,
А кривымъ и острымъ клювомъ
Оба глаза вырываетъ...
И въ борьбѣ ожесточенной,
Теплой кровью обливаясь,
Подбѣгающимъ киргизамъ
Оба въ руки попадаютъ..
А гурьба сѣдыхъ куяновъ,
Перетрусивъ, безтолково
И напрасно убѣгаетъ
Отъ нагайки таволожной...

* * *

Таборъ движется, грохоча,
А лихіе джигитляры,
Ловкость пробуя задорно,
Впереди гарцуютъ бойко:
Ставши въ рядъ, коней ретивыхъ
Отпускаютъ по сигналу,
Забавляясь, будто въ схваткѣ,
Мчатся къ видимой могилѣ...

Вороной бѣгунъ поджарый
Подъ Джемелей пляшетъ гордо,
И она на немъ, какъ птица,
Обгоняя всѣхъ, несется.
По бойгѣ ея соперникъ
Задержать рукою хочетъ,
Но Джемеля, защищаясь,
Бьетъ его, смѣясь, нагайкой...
И летитъ впередъ къ кургану,
Шумно воздухъ разсѣкая. .
Тѣ отстали, тѣ вернулись,
Лишь одинъ отстать не хочетъ,
А когда на холмъ взбѣжали,
Онъ сказалъ съ мольбою нѣжной:
„О, любимая Джемеля,
Намъ пора бѣжать съ тобою!
Для тебя одной, клянуся,
Я отъ мести отказался...
Не хранить гостепріимство
Здѣсь меня уже, ты знаешь...
Вонъ смотри, они всѣ близко:
Беззащитнаго изрубятъ!..
Не желай, чтобы могила,
Что лежитъ теперь предъ нами,
Кровью юной оросилась
На глазахъ твоихъ Джемеля!..
Время есть — бѣжимъ, Джемеля,
Защитить тебя съумѣю!..
Скоро ночь покровомъ темнымъ
Насъ укроетъ бережливо“!
И, сказавъ, въ волненьи страстномъ,
Онъ дрожащею рукою
Взялъ коня ея поводья,

Крѣпко стиснувъ ихъ въ ладони...
И ускореннымъ галопомъ,
Съ нею трепетно—безмолвной,
Бѣгъ направилъ къ горизонту,
Что каймою лѣса вѣнчанъ...

* * *

Оглянулись—три джигита
Отъ обоза отдѣлились
И во слѣдъ карьеромъ полнымъ,
Какъ за звѣремъ погнались...
„То отецъ мой!—простонала
Поблѣднѣвшая Джемеля..
„О, не бойся, ай налаинъ!—
Онъ ей ласково отвѣтилъ—
Далеко еще погоня,
Солнце низко, кони добры,
А кусты ужъ недалеко:—
Не догнать съ тобой насъ Бю—
Завтра жъ насъ никто не сыщетъ“!..
И онъ свистнулъ, и запѣлъ имъ
Встрѣчный вѣтеръ пѣсню воли...

* * *

И бѣгутъ ихъ слѣдомъ лихо
Три гонца съ главою Біемъ,
Но пространство между ними
Не уменьшилъ бѣгъ погони...
Вотъ и солнце закатилось,
Вѣтромъ съ запада пахнувши,
И холодно—молчаливый

Сумракъ куталь степи лоно,
А во тьмѣ, все ближе къ лѣсу,
Точно меркнушія точки,
Бѣглецы все дальше скачутъ,
Чистя шелкомъ травъ копыта...

* * *

„Стойте!—крикнулъ Бій дружинѣ—
Ужъ темно, ни зги не видно—
Дальше гнаться нѣту пользы:
Коней лучшихъ имъ отдали...
Путь счастливый! Пусть ихъ скачутъ!..—
Крикнулъ онъ со смѣхомъ адскимъ...
„Пусть ихъ скачутъ!“—повторило
Эхо степи молчаливой...
„Какъ вернемся мы въ аулы,
Какъ мы будемъ жить съ позоромъ?
Стойте! Вѣтеръ намъ попутный
Дуетъ все сильнѣй... Погоню
Пустимъ мы имъ вслѣдъ такую,
Отъ какой уйти не сможетъ
Никакихъ коней проворство!
Дальше въ стороны бѣгите,
Трутъ и кремь доставайте
И ковыль сухой скорѣе
Поджигайте... Поджигайте!“..

* * *

Сразу въ трехъ мѣстахъ съ чакпака
На ковыль сухой мелькнули
Искры яркія и вспухли

Въ три огромныхъ глаза ночи...
Словно три звѣзды упали,
Степью гладкой покотившись,
И, сцѣпившись съ вѣтромъ вольнымъ,
Въ трехъ кругахъ затанцовали...
И растутъ въ три яркихъ солнца,
Ярымъ пламенемъ бушуютъ
И снопы—потоки жара
На сѣдую степь бросаютъ.
Извиваются потоки,
Ачно лижутъ степи лоно
И ползутъ, какъ будто змѣи,
Жала красныя вздымая..
Вотъ текутъ уже въ три русла
Рѣки пламени живого
И растутъ и заливаютъ
Небо заревымъ кровавымъ.

* * *

А, въ густыхъ кустахъ исчезнувъ,
Бѣглецы все скачутъ лихо
И, взглянувъ назадъ, Джемеля
Молвить юношѣ пугливо:
„Небо ярко озарилось,
Видно то луна восходитъ...
Страшно мнѣ: она насъ выдастъ
Злой погонѣ и погубить“!
Но Джигитъ, лаская, шепчетъ:
„Свѣтъ луны бываетъ бѣлымъ,
Это свѣтъ звѣзды полярной“!..
И бѣгутъ подъ пѣсню вѣтра,
Призракъ счастья догоня!..

* * *

Но не дремлютъ рѣки пламя,
Ярымъ бѣшенствомъ хохочутъ
И, бушуя, плещутъ искры
Въ тучи дыма къ поднебесью...
Вотъ ползутъ онѣ другъ къ другу
Точно три гигантскихъ змѣя...
Вотъ сошлись, сцѣпились яро,
Въ море пламени слилися
И, все шире разливаясь,
Море движется по степи,
Рушитъ все и все сжигаетъ,
Пастью огненной глотая...
Птицъ встревоженныхъ стаи
День привѣтствовать взлетѣли,
Но, въ дыму утративъ силы,
Въ пасть огня покорно пали...

* * *

Съ позолоченной листвою,
Какъ цари стоятъ деревья,
Но, въ волнѣ огня купаясь,
Саванъ черный одѣваютъ...
И бурлятъ, рокочутъ волны,
Степь пожаромъ наводняя
И спѣшатъ за бѣглецами,
Небеса окрасивъ кровью!..

* * *

„Ужъ свѣтло, смотри, мой милый,
И ужель такія краски

Зори утра одѣваютъ?
Посмотри—тамъ море крови“!
И, взглянувъ, ѣздокъ тревожно
Съ дрожью въ голосѣ сказалъ ей:
„То пожаръ степной, Джемеля,
То огонь бѣжитъ въ погоню“!
И, свернувъ коней, направилъ
Вдоль по линіи пожара,
И Джемелю прижимая,
Говорилъ ей съ лаской нѣжной:
„Всюду огненное море
Къ намъ течетъ неудержимо,
Но не бойся, не теряясь,
Мы найдемъ себѣ спасенье:
Мы коней направимъ прямо
Черезъ валъ огня обратно
И опасности минуемъ,
Мы спасемся, ай-налаинъ“!..

* * *

И летятъ огню навстрѣчу:
Вихрь бушуя застилаетъ
Имъ дорогу дымомъ чернымъ,
Точно знаменемъ могилы...
Подъ Джемелей конь споткнулся,
Бѣгъ замедлилъ, зашатался,
И упалъ... Джигитъ мгновенно
Посадилъ къ себѣ невѣсту
И рукою сильной нѣжно
Взялъ за талію влюбленно,
И еще сказалъ, лаская:
„Мы спасемся, ай-налаинъ“!..

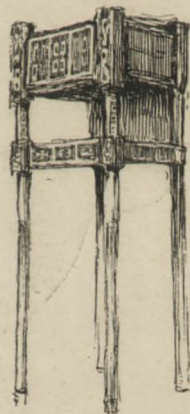
И всѣ трое смѣло, гордо:
Конь, Джигитъ и кызъ-Джемеля,
Въ пламя адское несутся,
Чтобъ могилу перепрыгнуть!..
Вотъ уже одѣты дымомъ.
Вотъ волной огня обвиты,
Но бѣгутъ, изнемогая.
Чтобъ спасти любовь святую...
Но ужъ вспыхнулъ конь, и взвившись
На дыбы, заржалъ прощально
И упалъ, свой духъ отдавши
Волѣ двухъ сердецъ влюбленных!..
И Джигитъ, взглянувъ на небо,
Бросилъ дерзкое проклятье
И, прижавъ къ себѣ Джемелю,
Зашепталъ: „Нашъ путь оконченъ“!
И горящій взоръ въ лицо ей
Утопилъ, цѣлуя очи,
И стоналъ, что не свершилась
Ни любви, ни мести сладость!...

.....

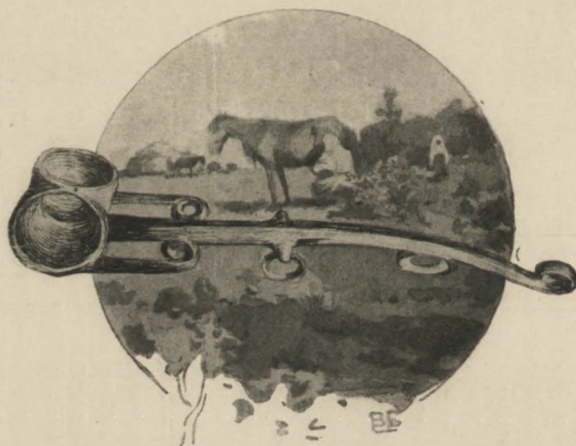
* * *

Какъ двѣ ивы надъ прозрачнымъ
Ручейкомъ сплетаютъ вѣтви,
Такъ въ послѣднемъ поцѣлуѣ
Обнялись Джигитъ съ Джемелей...
И, прощаясь другъ съ другомъ,
Оба съ жизнію простились
И однимъ послѣднимъ вздохомъ
Вознеслись ихъ души къ небу...

* * *

И прошло надъ ними море
Изъ огня, обугливъ степи,
Чтобъ весною вновь украсить
Ихъ душистыми цвѣтами...
И съ улыбкой тихой грусти
Тѣ цвѣты, качаясь нѣжно,
На зарѣ по утру будутъ
Плакать чистыми слезами...
А привѣтливое солнце
Утирать имъ будетъ слезы
И лучемъ игривымъ свѣта
Утѣшать до росъ вечернихъ...

Словарь киргизских словъ, встрѣчающихся въ повѣсти.

- Айгырь — коні, жеребецъ.
Ауль — группа киргизскихъ юртъ.
Агачъ-аякъ — деревянная чашка.
Аксакалъ — бѣлобородый старикъ.
Аркань — веревка изъ конскаго волоса.
Апа — тятя, папа.
Арба — двухколесная телега.
Ай-надинъ — выраженіе нѣжной ласки.
Бій — начальникъ аула или цѣлаго рода, вышче народный судья.
Бай — хозяинъ, глава.
Баурсаки — поджаренные въ бараньемъ салѣ хлѣбные шарики.
Бакса — чародѣй, кудесникъ.
Баранта — лихая, открытая кража лошадей.
Бала — мальчикъ.
Баладаръ — дѣти, ребятишки.
Беркутъ — хищная птица изъ породы орловъ, приученная къ охотѣ.
Байга — состязательные скачки на лошадяхъ.
Дамбалъ — широкіе изъ тонкой матеріи панталоны.
Джавлукъ — головной уборъ замужней киргизки.
Джигитъ — лихой, молодой вѣздникъ.
Джигитляръ — уменьшительное и множественное „джигитъ“.

Ергакъ (джергакъ-тоже) — одежда изъ жеребачьихъ шкуръ, шерстью вверхъ.

Кочевьё — мѣсто остановки.

Кочевка — переселенье, переѣздъ на инныя пастбища.

Катынь — жена, жены.

Кемперъ — старуха, старухи.

Кызъ — дѣвушка, дѣвица.

Кыздаръ — дѣвушки, дѣвицы.

Казанъ — большой котелъ для варки пищи.

Кумысъ — напитокъ изъ кобыльего молока.

Куянь — заяць.

Кизъ-исыкъ — кошма, закрывающая дверь юрты.

Кобызь — струнный музыкальный инструментъ.

Кыставъ — группа зимнихъ киргизскихъ жилищъ.

Камзолъ — безрукавая, легкая одежда.

Калымъ — выкупъ за невѣсту.

Курдюкъ — наростъ жира надъ хвостомъ барана.

Махачъ — варёное мясо.

Малахай — конусообразная киргизская шапка съ ушами.

Палава — кушанье изъ риса, изюма, сала и мяса.

Сурва — наваръ мяса.

Турсукъ — коженное вмѣстилище для кумыса.

Текемётъ — шитая узорами кошма, ковёръ.

Чакпачъ — огниво и кремьнь.

Шайтанъ — злой духъ, чертъ.

Юрта — круглое, коменное жилище степняка.

РИСУНКИ.

Страницы.	Киргизскія названія.	Объясненіе.
1	„	застежки, пуговицы кирг. работы.
5	Ай-балта	боевой топоръ.
7	а) Юрта	кошмевое жилище.
11	а) Къп-чинайкъ	мѣшокъ—чашка для молока.
12	Бѣить	могила.
13	Ерь	сѣдло.
18	„	чеканка серебра по кожѣ.
19	а) Ечкѣ	овечки.
	б) Савдѣкъ	ящикъ, обитый жестию.
21	а) Котто	вмѣстилище для пороха.
23	б) Домбра	двух-струнный музыкальн. INSTR.
24	Ксе	ременной киргизскій поясъ.
25	Тѣрѣкъ	кровать.
27	а) Кѣбысъ	калоши.
	б) Шамдѣль	подсвѣчникъ.
29	б) Кобызъ	музыкальный инструментъ.
31	а)	жестъ баксы.
	б)	бакса.
33	Мергенъ	охотникъ съ беркутомъ.

Страницы.	Киргизскія названія.	Объясненіе.
35	а)	узоры на полотенцѣ.
	б) Малахай	мужская шапка.
37	б)	чашешка бакса-лекаря.
39	Тогусъ-кумалакъ	особая игра киргизовъ.
41	Чакпакъ	огниво.
44	"	украшенья на сбрую изъ кости.
45	Чакпакъ	огниво.
46	а) Калпакъ	шапка.
	б) Аякъ	чашки.
47	б) Т кемѣтъ	расшитая кошма.
49	б) Асадаль	эгаже; ка для посуды.
50	Ожау	ложка для выпиванья кумыса.

Цѣна 60 коп.

Складъ изданій Т-ва „Бытовая Сибирь“ въ г. Томскѣ
Книжный магазинъ П. И. Макушина.